

DOI 10.23859/1994-0637-2019-4-91-6
УДК 811. 161. 1 + 81 + 821.161.1 (092)

© Ли Яньфэн, 2019

Ли Яньфэн

Аспирант,
Новосибирский государственный
педагогический университет
(Новосибирск, Россия);
преподаватель,
Гуансинский медицинский университет
(Наньнин, Китай).
E-mail: liyanfeng@yandex.com

Li Yanfeng

Post-graduate student,
Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia);
Lecturer,
Guangxi Medical University
(Nanning, China).
E-mail: liyanfeng@yandex.com

**УЧАСТИЕ КОМПАРАТИВОВ В
ЭКСПЛИКАЦИИ ТЕМЫ
«МАТЕРИНСТВО И ДЕТОРОЖДЕНИЕ»
В ЯЗЫКЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ
«КАЗУС КУКОЦКОГО»**

**THE PARTICIPATION OF
COMPARATIVES IN THE EXPLICATION
OF THE THEME “MATERNITY AND
CHILDBEARING” IN THE LANGUAGE
OF L. ULITSKAYA’S NOVEL
“THE KUKOTSKY ENIGMA”**

Аннотация. В статье синтезированы два актуальных в современной русистике подхода: функционально-семантический, связанный с функционально-семантическим полем компаративности, и гендерно-лингвистический, проявившийся в анализе феминно-ориентированных сравнений в их широком понимании (лат. *comparativus*) в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» – репрезентантов темы «Материнство и деторождение». Представлено многообразие способов выражения компаративов равенства и неравенства – с преобладанием метафорических образов (природоморфных, антропоморфных, социоморфных), создающих фантастические, опоэтизированные картины развития зародыша ребенка, а также отражающих деятельность знаменитого, но несчастливой в своей судьбе женского доктора.

Ключевые слова: феминные компаративы; компаративы равенства и неравенства; природоморфные, социоморфные, антропоморфные, образные компаративы; роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»

Abstract. The article synthesizes two current approaches in modern Russian studies: the functional-semantic approach, represented by the knowledge of functional-semantic field of comparativeness, and the gender-linguistic approach, manifested in the analysis of feminine-oriented comparisons in their broad understanding (Latin *comparativus*) in the language of L. Ulitskaya’s novel “The Kukotsky Enigma” – representatives of the theme “Maternity and childbearing”. The variety of ways of expressing the comparatives of equality and inequality is presented. The fantastic, poeticized pictures of fetuses’ development are created by predominant metaphorical images, including nature-related, anthropomorphic, sociomorphic images. Besides, the famous unhappy doctor’s activities in his fate as an obstetrician are reflected.

Keywords: feminine comparatives; comparatives of equality and inequality; nature-related, sociomorphic, anthropomorphic, figurative metaphors; L. Ulitskaya’s novel “The Kukotsky Enigma”

Введение

Термин «компаратив» (лат. *comparativus* – сравнение) используется нами в широком понимании – как конститuent функционально-семантического поля компаративности (ФСПК) [1]–[4] и др. В ФСПК эксплицируется «довольно обширный арсенал разноуровневых средств языка для выражения понятия равенства / неравенства, градации признака и выражения разной степени качества предметов и явлений» [3, с. 4]. Компаратив в его широком понимании может отражать и сходство, и различие сопоставляемых предметов, лиц, явлений; в связи с этим в ФСПК выделяются два микрополя – равенства и неравенства.

Микрополе компаративного равенства (МКР) содержит союзные, предложные (*брови в ниточку*), словообразовательные (*по-деревенски*, *фасолеВИДный*) сравнения по сходству, сравнения со «словами похожести» (*походить*, *похож(ий)*, *напоминать* и другие), творительный уподобления (выскочить из двери *пробкой*), родительный уподобления (*сидеть в позе лотоса*), метафоры, то есть «опосредованные сравнения» (*матка излучала ужас*), а также лексические (*одинаковый*) и фразеологические (*два сапога пара*) выражения сходства.

Микрополе компаративного неравенства (МКНР) включает формы степеней сравнения и субъективной оценки качества (*ужасно страшный*, *мягонький*, *голубоватый*), лексические и фразеологические показатели различия (*редкостный*, *разного рода*, *доктор из докторов*, *мисс Европа 2016*) [1], [5], [6], [7]. К компаративам неравенства примыкают и глаголы интенсивных способов действия (*иссеченная матка; исхудал до самого лагерного состояния*). В отдельных случаях семантика компаративного равенства (например, уподобление, выраженное метафорой) и неравенства (различие выражено, к примеру, формой сверхвысокой степени качества) может соединяться в пределах одного компаратива: *нескончаемый поток, совершенно одревеневшая*.

Исследование текстовых компаративов равенства / сходства / подобия актуализует формы *образа сравнения* (к примеру, *сравнительный оборот*), то есть то, с *чем* / с *кем* сравнивается, а при описании текстовых компаративов неравенства актуальны формы *признака различия* (основания сравнения), например, формы сравнительной или превосходной степени прилагательных.

Рассмотрение компаративов в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» предполагает и гендерный подход. В исследовании гендера ключевыми понятиями являются *маскулинность* (соответствует метафорическому «мужественность») и *феминность* (соответствует метафорическому «женственность»). Мы исследуем способы выражения и особенности функционирования *феминных* компаративов, понимая под феминностью набор признаков внешнего и внутреннего образа конкретных женских персонажей в художественном произведении и обобщенное проявление женской природы в материнстве и деторождении – как «мишеней» для сравнения в его широком понимании. В данной статье внимание сосредоточено на втором аспекте, что связано с профессиональной деятельностью заглавного героя этого произведения – *женского* доктора, академика Павла Алексеевича Кукоцкого.

Цель статьи – проанализировать особенности участия феминных компаративов в характеристиках явлений, репрезентирующих ведущую тему романа Л. Улицкой – «Материнство и деторождение», учитывая идиостилевые черты автора.

В реализации данной цели используются следующие **методы**: метод первичного лингвистического описания (картографирование, классификация и интерпретация выделенных групп, подгрупп, единичных случаев), контекстуальный, трансформационный – для идентификации компаративов. Например: *живой дом будущего ребенка = женская матка напоминает жилище будущего ребенка*.

Используя широкое понимание термина «компаратив», мы, однако, применяем и традиционное понимание термина «сравнение» – как стилистической фигуры, передающей *соположение* сопоставляемых предметов мысли, и термина «метафора» – как лексико-семантического явления, отражающего *наложение* двух похожих представлений (одно представление воспринимается через призму другого). Образные сравнения по сходству и метафоры объединяются в том, что в их содержании всегда присутствует *образ сравнения*. В этом они соответствуют семантической классификации метафор, в которой выделяются *природоморфные, социоморфные, антропоморфные, артефактные* разновидности [11]. Образные компаративы сходства всегда проявляют функцию *эмоциональной оценки*. Компаративы по различию (формы степеней сравнения и степеней качества и другие) развивают функциональную семантику *эмоциональной оценки* обычно на базе значения «интенсивность / чрезмерность».

Основная часть

Компаративное воплощение феминной темы «Материнство и деторождение» косвенно присутствует не только в описаниях судеб героинь романа (основные из них – Елена, жена Кукоцкого; Таня, их дочь; Тамара Полосухина, которая стала жить в семье Кукоцких после смерти матери; Василиса, помощница в этой семье), но и *самостоятельно* – в рассказах о главном герое, докторе-гинекологе, который постоянно печется о **прозрачных, как аквариумные рыбки-гуппи, роженицах** с их патологиями и осложнениями <...> [9, с. 332]; <...> он знал очень много, <...>, все, что к тому времени было известно об этом предмете, он представлял себе <...>, из какого **космического варева выныривает каждая Катенька и каждый Валерик** [9, с. 27].

Опозитизированные натуралистически-философские обобщения доктора Кукоцкого, отражающие ведущую тему в романе Л. Улицкой, включают в следующем отрывке, кроме метафорических синонимических перифраз (*бездонное отверстие мира / подлинные ворота вечности*) и гипербол, прямые указания на феминных особ, игру разностилевыми элементами, метонимии (*Маркс, Фрейд*), имплицитное подшучивание: <...> Павел Алексеевич десятилетиями наблюдал все тот же объект, разводил бледные **створки** затянутой в резину левой рукой, вводил зеркальце на гнутой ручке и пристально вглядывался в **бездонное отверстие мира**. Оттуда пришло все, что есть живого, это были **подлинные ворота вечности**, о чем совершенно не задумывались все эти девочки, тетки, бабки, дамы... [9, с. 403]; И бессмертие, и вечность, и свобода – все было связано с этой **дырой**, в которую все **проваливалось**, включая и Маркса, <...> и Фрейда с его гениальными и ложными теориями...; доктор принимал и принимал в свои руки сотни, тысячи, **нескончаемый поток** мокрых, орущих существ... [9, с. 191].

В последующих рассуждениях доктора присутствует лексическое выражение компаративного (но не образного) равенства (*одинаковые сосунки*): <...> и в резуль-

тате из **одинаковых** трехкилограммовых **сосунков** развивались столь разнообразно устроенные в духовном отношении люди... [9, с. 331]. Неожиданные для восприятия, распространенные концептуально значимые природоморфные метафоры (соединенные с *театральной*) образно передают удивительные тайны, связанные с профессией **женского** доктора: *Возможно, что сама его медицинская профессия, постоянное, почти ставшее бытовым, прикосновение к **огненной молнии** – **острой** минуте рождения человеческого существа из **кровоточащего рва**, из **утробной тьмы небытия**, – и его деловое участие в этой **природной драме** отражались на его внешнем и внутреннем облике, на всех его суждениях* [9, с. 26]. Экспрессивные гиперболические синонимы – метафорические перифразы (*кровоточащий ров / утробная тьма небытия*) перекликаются со стилистически повышенными (*подлинныя ворота вечности, бездонное отверстие мира*), употребленными в конце романа.

Актуализуется метафорический образ *сокровенной женской тьмы* – с применением метафор, форм субъективной оценки качества и семантики гиперинтенсивности. Создаются фантастические «картины»: *И тут **заработало** «внутривидение», открылась картина: все чрево женицы было **набито младенцами до отказа** – как **рыба икрой*** [9, с. 269]. Сильное впечатление производит натуралистическое описание женской матки, пораженной криминальным абортom; участвуют интенсификаторы (*иссеченная, чудовищная*), суперлатив (*самая мощная*), распространенные метафоры, сравнения с маркером: *Это была **иссеченная** матка, **самая мощная** и сложно устроенная мышца женского организма. <...> цветом она **напоминала сваренную буро-желтую кормовую свеклу** <...>. Внутри матки находилась проросшая луковица. **Чудовищная битва** между плодом, опутанным плотными бесцветными **нитями**, и полупрозрачным **хищным мешочком**, **напоминавшим скорее тело морского животного, чем обычную луковицу**, годную в суп или в винегрет, уже закончилась* [9, с. 39].

Синонимическая метафорическая рамка «*природная драма и невидимый спектакль*» заполняется развернутой метафорой *часовой механизм* – о жизни будущего человека в утробе матери: *И этот **часовой механизм работал столь точно**, что ровно на седьмые сутки каждый **зародыш** <...> расщеплялся на два **листка** <...> – они прогибались, **отшнуровывались**, выворачивались, образовывали **узелки и пузыри** <...>, и все это повторялось с невиданной точностью, миллионы и миллионы раз подряд... Кем и как даются **команды**, по которым **разыгрывается этот невидимый спектакль**?* [9, с. 27]. Метафорические образы (*природная драма / невиданный спектакль / часовой механизм*) проявляют экспрессивный потенциал, но они узнаваемы, так как могут присутствовать в языке произведений других авторов. Значительное же большинство компаративов, эксплицирующих тему «Материнство и деторождение», отличается особой оригинальностью, индивидуально-авторской новизной, неожиданностью для читательского восприятия.

Чрево женицы метафорически называется *живым домом будущего ребенка* (в другом месте *живот* беременной Тани олицетворяется, она обращается к нему как к *собеседнику*); появляются аллюзивные зоосравнения, связанные с детской сказкой: – *А я ведь двойню могу родить, – пугала Таня Сергея <...> Двое так двое. **Один серый, другой белый, два веселых гуся**, – хлопал он по вздувшемуся боку... и влечение его от прикосновения к **живому дому будущего ребенка** не только не угасало, а,*

напротив, все возрастало [9, с. 424].

Уже подросший ребенок в чреве матери уподобляется лодке на привязи (образ сравнения развертывается в метафорах), его положение сравнивается с позой лотоса (родительный уподобления): *Он плавает сейчас, как лодка на привязи, туда-сюда. Подвешен на кордоне, на пупочном канатике, и слушает, наверное, как плотные волны ходят, густая влага обтекает его бока, поджатые ноги. Они у него скрещены, он почти в позе лотоса* [9, с. 400].

Распространенные сравнения (в том числе словообразовательные (ангелически)), метафоры, оборот с союзом *как* в значении полного компаративного равенства, родительный уподобления (*поза боксера*) присутствуют в рамках сопоставительной конструкции, участвующей в описании только что родившихся младенцев: *Ведь говорил же учитель самого Павла Алексеевича, профессор Калининцев, о «гипотонических» детях начала века... Он описывал их как вялых, слегка сонных младенцев, с мягонькими мешочками под глазами, с полуоткрытыми ртами и ангелически расслабленными ручками... Как же, наверное, они были не похожи на теперешних, с крепко сжатыми кулачками, с подогнутыми пальцами ног, с напряженными мышцами. Гипертонус. И поза боксера – сжатые кулачки защищают голову* [9, с. 28].

Академик Кукоцкий, опытный гинеколог, обладающий «внутривидением», в ходе всего романа борется за разрешение аборт (закон 1936 г. их запретил) – с целью сохранить жизнь многим женщинам, которые очень часто умирали от криминальных абортов. Судьба несчастных *заложниц пола* не переставала беспокоить Павла Алексеевича, он *по-прежнему* выступал на всех конференциях, связанных с охраной детства и материнства [9, с. 160]. В осуществлении поставленной цели ему постоянно препятствует министр здравоохранения *Коняга*.

Проект академика Кукоцкого, слишком радикальный, по мнению *Коняги* и ее окружения, требовал огромного финансирования, а главное – риска. «Нечеловеческая чуткость» «слепоглухонемой» *Коняги* проявлялась в этой ситуации не к женщинам, которые страдали и умирали от криминальных абортов, а к «более высоким сферам» – «настроениям начальства». Негативное отношение автора к министру здравоохранения *Коняге* передается разговорно-просторечным устойчивым метафорическим зоообразом своим *нюхом чуяла*, что государственный интерес лежал не в области материнства и детства [9, с. 37].

Коняга тормозила <...>, и ее *чуткое сердце предпочитало повременить* [9, с. 37]. Метонимо-метафорическая основа предложения (*ее чуткое сердце предпочитало*) включает противоположный смысл (проявляется контекстуальная оценочная энантиосемия); определение *слепоглухонемая* тоже используется в переносном смысле, актуализируя отрицательную оценку. Устойчивое выражение *чуткое сердце* обычно используется со знаком «плюс». Далее, при помощи прилагательного *нечеловеческая* (компаратив неравенства – интенсив), степень этой саркастической коннотации повышается: *Во многих отношениях слепоглухонемая, Коняга обладала нечеловеческой чуткостью к настроениям начальства* <...> [9, с. 37].

Близкие доктору люди тоже не хотят с ним согласиться. Так, Елена, жена Кукоцкого, используя гиперинтенсив *ужасно* и форму сравнительной степени, отражающую резкое эмоциональное несогласие с мужем, противопоставленную парцеллированной предикативной характеристике *беззащитное, маленькое*, говорит: – <...> *все*

ужасно... Нет, нет, никогда с этим не смогу согласиться. Разрешенное детоубийство. Это преступление хуже убийства взрослого человека. Беззащитное, маленькое... [9, с. 81]; Она [Василиса] не думала. Она молилась и тоже плакала: теперь Павел Алексеевич выходил злодей [9, с. 83]. То есть походил на злодея, напоминал его.

Но этот «злодей», принявший многочисленные роды у женщин, трогательно и заботливо относится к маленьким детям с самого первого дня их зарождения: *<...> он видел (зародыш ребенка), как сияющее светло-голубое облачко... [9, с. 15].* Павел Алексеевич часто использует метафорические уменьшительно-ласкательные формы, номинирующие маленькую Таню (*ушастое яблочко, папин воробышек, сладкая вишенка*). При помощи деминутивных соматизмов, в том числе метафорических (*ушки, ямка, складочки*), сравнительного оборота с ирреальным союзом *как будто*, формы сравнительной степени, а также гиперболического словосочетания (*тысячи новорожденных*) передается ласковое обожание доктором приемного ребенка: *Сердечное восхищение ею (Таней) <...>, имело налет стариковского умиления всем тем новым, что происходит с ребенком... То он замечал складочку на запястье, то ямку на пояснице, то обнаруживал, что ее темные волосы на шее, за ушками, они светлее и мягче, как будто другого сорта [9, с. 30]. В этой «своей» девочке как будто сошлись все те тысячи новорожденных <...> [9, с. 30].* Идея, заложенная в субстантивате «*новорожденные*», соотносится с темой «Феминность» и с неразрывностью понятий «женщина» и «материнство и деторождение».

Используя деминутивные метафорические зоообразы в рамках неполного сравнения, Павел Алексеевич, при помощи суперлатива в его оксюморонной представленности, парадоксально противопоставляет педагогику и «природное глубокое чувство любви» к любому детенышу: *Это было чисто природное чувство, не нуждающееся ни в оправдании, ни в объяснении: так лев любит львенка, волк – волчонка, орел – орленка... И в этой точке открывалось, что любая педагогика есть бред и холодный рационализм, и когда начинается педагогика, отступает природное чувство, глубокое, животное чувство любви к детенышу... Самое низкое из всех высоких чувств... [9, с. 449].*

На протяжении всего очень объемного (511 с.) романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» кодируется расширенно-метафорический (связанный с интерпретацией судьбы этого доктора-гинеколога) первый компонент заголовочного слова *казус*, семантика которого полностью не сводится к словарным дефинициям: КАЗУС. 1. Сложное, запутанное дело в судебной практике. 2. Происшествие, событие, случай [8]. Эта метафора-загадка остается, возможно, не разгаданной до конца – даже для внимательного читателя. Заголовочная метафора *казус* имплицитно отражает участь Павла Алексеевича Кукоцкого (не отделенную от судеб близких и враждебных ему людей) и несчастливый конец его жизни, связанный с тем, что знаменитый женский доктор не смог уберечь от болезни и смерти самых дорогих для него, горячо любимых им – Елену и Таню. Сломленный в борьбе за свою профессиональную идею, он начал пить, как это часто бывает со знаменитым, но потерявшим себя русским человеком. В словаре Д. Н. Ушакова добавляется 3-е, медицинское, значение слова *казус*, которое частично уместно для данного текста: 3. Частный случай той или иной болезни [10], если считать непреодолимое желание выпить началом губительной болезни.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что феминно-ориентированные компаративы мастерски представлены в описаниях профессиональной деятельности заглавного героя, связанной с материнством и деторождением. Приоритетны компаративы равенства и, прежде всего, – метафорические употребления концептуальной значимости, что соответствует углубленному отражению ведущей темы произведения и отводит метафоре центральное положение в текстовых вариациях МКР. В большом количестве присутствуют распространенные метафорические перифразы с гиперболической семантикой и семантикой чрезмерности; они вступают в синонимические отношения, варьируя содержательный и стилистический смысл образа уподобления. Широко используются природоморфные образы; вместе с антропоморфной, артефактной и театральной метафорой они воссоздают фантастические опозитизированные картины развития зародыша ребенка и жизнедеятельности женской матки. Большинство метафорических образов являются индивидуально-авторскими, оригинальными; их новизна предопределяет эффект неожиданности в читательском восприятии текста.

В повествовании о противостояниях устремлениям женского доктора участвуют и компаративы неравенства (формы сравнительной степени, и субъективной оценки качества, в том числе гиперинтенсивы). Экспликация темы «Материнство и деторождение» дополняется деминутивными метафорами, номинирующими маленьких детей. Конспирирующая функция метафоры *казус* (в заглавии произведения), обобщая печальную участь женского доктора, тревожит читателя, вызывая его сочувствие к главному герою романа.

Результаты нашего исследования способствуют систематизации знаний о способах выражения, семантических типах и функциях компаративов в их широком понимании в художественном произведении, а также вносят определенный вклад в теорию образности.

Литература

1. Берков В. П., Князев Ю. П., Калашник Д. М. Компаративность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / под редакцией А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – С. 107–160.
2. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / ответственный редактор А. В. Бондарко. – Москва: ЛЕНАНД, 2017. – С. 5–36.
3. Казанцева И. В. Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола: [б. и.], 2005. – 23 с.
4. Кравец О. В. К вопросу о структуре поля компаративности в английском и немецком языках // Вестник науки и образования. – 2016. – № 9 (21). – С. 58–60.
5. Ли Яньфэн. Структурное разнообразие феминных сравнений в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2 (191). – С. 91–98.
6. Скворецкая Е. В. Компаративность: из истории средств выражения сравнения в русском языке // Семантический и прагматический аспекты высказывания. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический институт, 1991. – С. 26–36.

7. Скворецкая Е. В. Роль человеческого фактора в выборе образных компаративных форм в художественном тексте // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте / ответственный редактор Т. А. Трипольская. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 1994. – С. 30–38.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. – Москва: Русский язык, 1986. – Т. 2. – 736 с.
9. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. – Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. – 511 с.
10. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – Москва: Аделант, 2013. – 800 с.
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. – 238 с.

References

1. Berkov V. P., Kniazev Iu. P., Kalashnik D. M. Komparativnost' [Comparativeness]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar: Quality, Quantity; ed. by A. V. Bondarko]. St Petersburg: Nauka, 1996, pp. 107–160.
2. Bondarko A. V. Vvedenie. Osnovaniia funktsional'noi grammatiki [Introduction. Foundations of functional grammar]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: vvedeniie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow: LENAND, 2017, pp. 5–36.
3. Kazantseva I. V. *Funktsional'no-semanticheskoe pole komparativnosti v mariiskom literaturnom iazyke* [Functional-semantic field of comparativeness in the Mari literary language: abstract PhD thesis in philol. sci.]. Yoshkar-Ola, 2005. 23 p.
4. Kravets O. V. K voprosu o strukture polia komparativnosti v angliiskom i nemetskom iazykakh [To the question of the structure in the field of comparativeness in English and German]. *Vestnik nauki i obrazovaniia* [Bulletin of science and education], 2016, no. 9 (21), pp. 58–60.
5. Li Yanfeng. Strukturnoe raznoobrazie feminnykh sravnenii v iazyke romana L. Ulitskoi "Kazus Kukotskogo" [The structural diversity of the feminine comparisons in the language of the novel "The Kukotsky Enigma" by L. Ulitskaya]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, no. 2 (191), pp. 91–98.
6. Skvoret'skaia E. V. Komparativnost': iz istorii sredstv vyrazheniia sravneniia v russkom iazyke [Comparativeness: from history of expression means of comparison in Russian]. *Semanticheskii i pragmaticheskii aspekty vyskazyvaniia* [Semantic and pragmatic aspects of the utterance]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1991, pp. 26–36.
7. Skvoret'skaia E. V. Rol' chelovecheskogo faktora v vybere obraznykh komparativnykh form v khudozhestvennom tekste [The role of the human factor in choosing figurative comparative forms in an artistic text]. *Iazykovaia lichnost': problema vybora i interpretatsii znaka v tekste* [Language personality: the problem of choosing and interpreting a sign in the text; ed. by T. A. Tripol'skaia]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1994, pp. 30–38.
8. *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes; ed. by A. P. Evgen'eva]. Moscow: Russkii iazyk, 1986, vol. 2. 736 p.
9. Ulitskaia L. E. *Kazus Kukotskogo* [The Kukotsky Enigma]. Moscow: AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2015. 511 p.
10. Ushakov D. N. *Tolkovi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Adelant, 2013. 800 p.

11. Chudinov A. P. *Rossiiā v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafori* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2001. 238 p.

Примечание: работа выполнена под руководством канд. филол. наук, доцента, профессора кафедры современного русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» Е. Ю. Булыгиной.

Для цитирования: Ли Яньфэн. Участие компаративов в экспликации темы «Материнство и деторождение» в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 4 (91). – С. 65–73. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-6

For citation: Li Yanfeng. The participation of comparatives in the explication of the theme “Maternity and childbearing” in the language of L. Ulitskaya’s novel “The Kukotsky enigma”. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 4 (91), pp. 65–73. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-6